

Гастроли Московского театра имени Ленинского комсомола

Свое знакомство с Московским ордена Трудового Красного Знамени театром имени Ленинского комсомола саратовские зрители начали со спектакля «Братья Ершовы».

Инсценировка известного романа, осуществленная В. Пименовым и М. Герштом, хотя и не могла, естественно, побороть всего материала, но сохранила проблематику произведения, многие его сюжетные линии. В ней можно встретить почти всех героев романа. Одни из них получили убедительное драматургическое обоснование, другие оказались беднее и бледнее, чем у Е. Кочетова.

В ряде случаев инсценировщики ушли, впрочем, от первоисточника и предложили свое сюжетное завершение некоторых судеб. Так, секретарь горкома партии Горбачев не умирает, а становится счастливым дедушкой; Дмитрий Ершов и Ольга Величина в финале благополучно соединяются для совместной жизни.

Оговоримся сразу, что, на наш взгляд, беднее и умировотвореннее развивая инсценировки не очень ладно вяжутся с той атмосферой борьбы страстей, которая царит на протяжении десяти предыдущих картин.

Тем не менее режиссеры — заслуженный деятель искусств РСФСР и ЛАССР С. Майоров и заслуженный артист РСФСР и УзССР лауреат Сталинской премии В. Соколовев смогли сохранить и донести до зрителя главное —

ЖИВОЕ ДЫХАНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

боевой, наступательный дух кокетского произведения, дать верную идейно-художественную трактовку основным конфликтам. И сожалению, в отдельных случаях из-за недостатков инсценировки из спектакля выпало то, что могло еще больше приобщить его к миру героев книги Кочетова.

Что же позволяло, порождая или, напротив, оторвав при первой встрече с театром имени Ленинского комсомола?

Ответить на этот вопрос нельзя, не сказав о главном: есть ли в спектакле братья Ершовы?

Да, Ершовы в спектакле есть!

Мы узнаем в нескольких медлительном, но живом и зрелищном Платоне, каким его приводит к сцену В. Мельников, старшего в роду Ершовых, человека чуждого нраву и чистой души, гордо несущего по земле высокое и прекрасное звание рабочего человека. Многие симпатичные черты убогатого Дмитрия, востребованного и любимого, открывает заслуженный артист РСФСР и УзССР В. Соколовев. Смятение и надломленность Степана, его одиночество — заслуженную кару за содеянное — передает Л. Марков. А рядом с ними — молодой Андрей Ершов, хранитель и продолжатель славных семейных традиций этой замечательной рабочей семьи. Правильно оттеняет В. Козлов именно это в своем герое. Инсценировщики почти не дали драматургического материала для раскрытия образа

Якова Ершова — директора театра, и в спектакле он почти незаметен, хотя А. Петровичено нашел верные краски для обрисовки его внешнего облика.

Сцены спектакля, где действуют члены семьи Ершовых, умело выдвинуты режиссером на первый план, укрупнены, и это рождает верные интонации в постановке.

Постановщикам, может быть, стоит как-то подумать над тем, чтобы несколько изменить композицию первых двух актов, где главным действующим лицом оказывается почему-то не Дмитрий, не Платон и даже не Андрей Ершовы, а Степан. Здесь идет речь, конечно, не о формальной, а о смысловой пероагентировке.

Одним из самых обаятельных образов в спектакле стал секретарь горкома партии Илья Яковлевич Горбачев в талантливом исполнении заслуженного артиста РСФСР В. Н. Всеволодова. Его Горбачев, первого же появления на сцене рождает глубокой человечностью, красотой своего душевного мира. Он верит в людей, и эта вера делает его твердым и сильным, необычайно духовно богатым. Счастье для такого человека, как Горбачев, — и это убедительнейшим образом передает исполнитель — видится в успехах народа, в благополучии и просветлении «духотех миллионов ершовых». С удивительной силой сокращает он орлеанцевых и крутильчих, путающихся под ногами у крепкого заводского коллектива.

В одном ряду с Ершовыми и Горбачевым стоит в романе немало прекрасных людей: и актер Гуляев, и инженер Искра Назарова и директор завода Чибисов, и редактор Бусырин и многие другие. К сожалению, характеристики их столь объединены инсценировщиками, что на долю исполнителей названных ролей почти не достается материала для лепки сценических образов. Поэтому можно лишь сослаться на то, что все актеры, занятые в этих, ставших эпизодическими, ролях, тактично поддерживают общий ансамбль.

Еще больше не повезло исполнителю роли художника Казанкова Г. Карновичу-Валва. В первых сценах зрители узнают его как поэта и идейного соратника актера Тулиева, как искреннего борца за большое и настоящее искусство. И вдруг Казанков в своей последней сцене оказывается человеком слабовольным и даже истеричным, он легко отказывается от своих убеждений и готов трусливо бежать от идейной борьбы. Словом, перевод зрительями самый обычный: мешанина, лишь рванувшая до поры в одежде убежденного человека. Принимать противоречия такого рода актер не сумел, и Казанков так и ушел из спектакля, оставив зрителя в недоумении: кто же был перед ним?

Следует отметить, что теме искусства, широко представленной в романе, в инсценировке почти не уделено внимания. Многие здесь проходят на заднем плане, произносятся сиюминутно, А театру едва ли стоило входить от большого и страстного разговора об этом. Приблизительно равными для

романиста, инсценировщиков и театра оказались фигуры Орлеанцева и Крутильчиха. Уже в ироническом звучании самих имен (Орлеанцев с его претензией быть орлом и будущий по жизни кривыми и путанными дорогами Крутильчиха) выражено отношение к персонажам.

Это и бесспорно разоблачает заслуженный артист РСФСР А. Восси одного из тех, кто ради денег готов плясать под любую дудку. Его Крутильчих жалок, отвратителен и в то же время смешок. Его пинизм и хитрая услужливость, его завистная ненависть к людям — все это раскрыто в игре А. Восси. Артист бесспорно и гневно суров в своем суде над мнимым изобразителем. Он не боится привести на сцену открытый шарик, карикатуру. С подобным репезионом можно согласиться. Но постановщикам следует еще поработать над тем, чтобы предложенная автором трактовка была более органично соединена с общим тоном спектакля. Если бы, к примеру, сцены суда братьев над Степаном, аварии в цехе и некоторые другие проходили с таким же внутренним накалом, как сцены собрания, в квартире Крутильчиха и у Орлеанцева, весь спектакль был бы не только ровнее, но и страстнее, напряженнее.

Более четкого и последовательного решения можно еще ждать от исполнителя роли Орлеанцева — заслуженного артиста Грузинской ССР В. Врангина. Рядом с фигурой Крутильчиха Орлеанцев Багряка как-то меркнет в спектакле. Он пладал, корчился, ползал, баял, был величествен, но ведь это лишь оболочка. А нутром Орлеанцев мало чем отличается от Крутильчиха. Оба подлые,

разница лишь в масштабах. Особенно четко должно прослеживаться родство этих грязных и подлых душонек в сцене собрания, где с Орлеанцевом срысается последняя маска.

Атмосфера спектакля, все его краски во многом оппеделяются не только режиссерскими и актерскими, но и художником. Теперь уже мало кто может удовлетвориться констатацией факта, что оформление постановки несет на себе черты правдоподобия. Одного этого мало. В оформлении должен углубляться облик спектакля в целом. То, как выглядела и номер Ершова, и квартира Крутильчиха, и обстановка в доме Ершова, не вызывает, конечно, протеста зрителей. Но, пожалуй, кроме сундука Крутильчиха художник — заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии М. Виноградов не нашел тех линий и глубоко подуманных деталей, которые помогли бы обогатить спектакль новыми штрихами в обрисовке самих героев и той обстановки, в которой они действуют.

Спектакль «Братья Ершовы» еще очень молод. Однако в нем уже найдено и раскрыто главное — живо ощущается дух нашего времени, все симпатично отпаны подлинным героям наших дней — простым труженикам и сомателам. Но есть еще немало средств для его дальнейшего совершенствования.

Первое знакомство с Московским театром имени Ленинского комсомола убеждает в том, что это коллектив немалых творческих возможностей. Надо думать, что последующие астрены значительно дополнят и расширят представление об искусстве наших московских театров.

Е. ГАБАЕВА